

УДК 94 (410)

**ВЛИЯНИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА НА ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В XVI – XVII ВЕКАХ**

В. Н. Ерохин

**PROTESTANT INFLUENCES ON THE UNDERSTANDING OF SOCIAL TIES PRINCIPLES
IN THE ENGLISH SOCIETY IN THE 16TH – 17TH CENTURIES**

V. N. Yerokhin

В статье рассматривается влияние идей религиозной Реформации и пуританизма в Англии на понимание семейной жизни, проведение досуга и отношение к изобразительному искусству, театру, музыке и танцам среди англичан во второй половине XVI – XVII вв.

The article deals with the influence of ideas of Reformation and Puritanism on the understanding of the main forms of social ties – family life, leisure, fine arts, theatre, music and dancing among the Englishmen and Englishwomen in the second half of 16th – 17th centuries.

Ключевые слова: Реформация, пуританизм, социальные связи, английское общество XVI – XVII веков.

Keywords: Reformation, Puritanism, social ties, the English society of the 16th – 17th centuries.

В развитии английского общества раннего нового времени Реформация принесла мировоззренческие изменения кардинального характера и оказала значительное идейное влияние на понимание практически всех важнейших аспектов политической жизни, экономической деятельности, на дальнейшее развитие английской культуры. Идейное влияние Реформации в английской общественной жизни стало проявляться в ближайшие десятилетия после того, как принятие парламентского Акта о супрематии 30 марта 1534 года вывело церковь Англии из подчинения Риму.

Многие социальные следствия развития протестантизма и пуританизма, считают исследователи, были ненамеренными. П. Коллинсон замечает, что в выступлениях проповедников обычной мишенью критики были грехи и лишь редко – социальные институты. При Эдуарде VI (1547 – 1553 гг.) в раннем протестантизме критике подвергались преимущественно социальные недостатки и проблемы, а при Якове I (1603 – 1625 гг.) – прегрешения главным образом личного и морального характера. В этом можно увидеть свидетельство значительного смещения акцентов от первоначального внимания протестантов к интересам бедных к предубежденности по отношению к социальным низам в последующем, когда протестантизм стал более тесно связанным с социальным порядком и интересами социального контроля. Пуритане времени правления Елизаветы I (1558 – 1603 гг.) толковали кальвинистское учение об избранности и предопределении в смысле, который настраивал на расширительное толкование вопроса о численности избранных и не подчёркивали чрезмерно собственную исключительность, но в предреволюционные десятилетия XVII века среди пуритан стала усиливаться мысль о том, что избранных к спасению – меньшинство. Такое понимание спасения, считает П. Коллинсон, отнюдь не было характерно только для крайних пуритан и сектантов. Эта идея духовной избранности усиливала духовную напряжённость, вызывала желание покинуть страну, население которой никак не избавлялось от своих недостатков, так что к началу гражданской

войны англичане превратились в расколотую нацию [5, p. 18 – 29; 2, p. 255].

Как считает П. Коллинсон, в Реформации прослеживается ещё также влияние борьбы молодого поколения с людьми, старшими по возрасту, а также стремление женщин к эмансипации и самоутверждению, и все эти стремления в Реформации переплелись [5, p. 36].

Протестантизм, оставаясь патриархальным по характеру в понимании семейной жизни, всё же углубил, как считают, эмоциональность семейных отношений между супругами, родителями и детьми. В Англии под влиянием Реформации довольно скоро неженатые духовные лица стали исключением. К концу XIX века в английском обществе сложилось убеждение, что английский идеал семейной жизни и привязанности к дому связан с пуританскими влияниями. Л. Стоун связал протестантизм, в равной мере и пуританизм, и англиканство с появлением того, что он называл «строгая патриархальная нуклеарная семья» и со стремлением к тому, что можно назвать браком-дружбой, поскольку такой брак поощрял стремление к домовитости, семейным домашним добродетелям, что было, возможно, самым далеко идущим последствием Реформации в Англии. Эти вопросы, правда, легче выявить и изучать на примере социальных верхов [15, p. 5; 27, 141]. В то же время известны факты, что под влиянием кальвинистской доктрины избранности многих женщин в Англии охватывало отчаяние [5, p. 74 – 76].

Р. Нокс писал, что история религиозного энтузиазма, развития активных форм протестантской религиозности – это в значительной степени история женской эмансипации [19]. П. Коллинсон считает, что женщины с активной религиозностью не оспаривали своё место в жизни, а мужчины соглашались с возможностью активного поведения женщин в религиозных делах. П. Коллинсон сомневается также, нуждались ли женщины в XVI – XVII веках в эмансипации в современном смысле слова. Свидетельства этого времени, по его мнению, демонстрируют, что женщины не были особенно притеснёнными. Можно отме-

тить выдающуюся роль женщин в протестантском обществе и в ортодоксальном, и в радикальном сектантском протестантизме середины XVII века. Большая по сравнению с мужчинами склонность женщин к религии, хотя и недостаточно проверенная, и возможно, трудно проверяемая опытным путем, была общим мнением современников. Предлагая объяснения этому, П. Коллинсон отмечает, что фрустрации, которые возникали у женщин в связи с их подчинённым положением, обострялись из-за психологических и физических последствий частого и, бывало, травматического деторождения, вели к сублимированным выходам в виде религиозного энтузиазма [5, p. 77].

В отношении к детям в протестантской антропологии воспринятый у Августина Блаженного пессимизм привёл к пониманию детской природы как склонной к воздействиям дьявола. Известный пуританин Джон Робинсон, отплывший в Америку на «Мэйфлауэре», полагал, что присущая детям по природе гордыня должны быть сломлена и выбита из них. В протестантской Англии надолго сохранилась практика физических наказаний детей. При этом протестантские богословы обычно осуждали родителей за пренебрежение воспитанием детей. Некоторые историки считают, что суровость воспитания оказывала травмирующее влияние на ребенка. Но есть и другие мнения, согласно которым пуритане, в отличие от англичан викторианской эпохи, не превращали детство в период воспитания в сентиментальных фантазиях, а стремились к их религиозному обращению, помогали формироваться детям в том, что воспитывали их морально ответственными, способными лучше приспособиться к реальному миру взрослых. Даже колыбельные песни не уводили ребенка в нереальный мир фантазий, но приучали детей к пониманию суровых забот, выживанию в мире [26, p. 113 – 137; 25]. Но всё же есть также достаточно свидетельств, что отношения родителей и детей в Англии XVI – XVII вв. были очень тёплыми [5, p. 78 – 79; 13; 24, p. 87].

В 1980-е годы был внесен большой вклад в изучение демографической истории западноевропейской семьи в целом и семьи в Англии в частности [1; 9]. Эти работы анализируют в основном массовые явления. В результате было выявлено, что малая нуклеарная семья, в отличие от предположений Ф. Энгельса, не была новацией XVI века. Уже в Книге Страшного суда 1086 года малая, а не большая семья – норма. Выявлены данные, что в XVI – XVII вв. не слишком высокой была также доля детей, рождённых вне брака, и лишь в XVIII веке она увеличилась с 3 % до 5 %. Исследователи предполагают, что раннее новое время было периодом жёсткой сексуальной репрессии, когда индивида убеждали, что сексуальность и создание семьи – это социальная функция, а не область индивидуальных фантазий. Средний размер семьи составлял, видимо, 5 – 7 человек. 15 % женского населения оставались не замужем даже после отмены монашества [5, p. 84; 13, p. 5].

Влияние протестантизма в Англии, а также влияние постриденского католицизма в Европе, как предполагают, привело к тому, что стали приходить в упадок светские общественные праздники, в том чис-

ле народные обычаи, связанные с формированием семьи, в результате чего образование семьи стало восприниматься как частное дело тех, кто имел к этому непосредственное отношение. Протестантские книги рекомендуемого поведения (conduct books) настаивали, что мужья должны любить жён, потому что об этом говорил Св. Павел, при этом отмечая, что любовь снисходит, а не восходит, так что жены, в свою очередь, должны были повиноваться своим мужьям и уважать их [5, p. 87 – 90].

К. Дейвис сомневается, появились ли после начала Реформации новые идеалы семьи. Сравнение постреформационных и предреформационных текстов на брачные темы показывает, как пишет К. Дейвис, «монотонное сходство советов на этот счет, которые, к тому же, были советами очень обобщённого характера» [8, p. 58 – 80]. Пуритане настаивали на верховенстве мужчины в семье и на полном подчинении им жён, но это же утверждали те, кто писал на брачные темы накануне Реформации. Подобным же образом понимание брака как контракта тех, кто вступил в него по любви и согласию, появилось ещё до Реформации. В отношении к самому институту брака в позднем католицизме в литературе, адресованной самому католическому духовенству, поддерживался celibat, а в наставительной литературе для светских лиц брак оценивался более позитивно, но эти оценки неотличимы от протестантского подхода к браку. К. Дейвис склоняется к выводу, что после начала Реформации просто расширился поток публикаций на тему о браке, и в книгоиздании стали действовать рыночные факторы, так что протестантские книги рекомендуемого поведения (conduct books) не проповедовали идеи, которые были совершенно новыми [8, p. 80].

М. Тодд высказывает мнение, что новые явления в понимании семьи надо искать не у пуритан, а у христианских гуманистов начала XVI века. Она связала представления пуритан о необходимости социального контроля и аскетизма не только с реформационными идеями, но также с влиянием реанимированного в эпоху Возрождения стоицизма [30, p. 18 – 34; 29]. М. Тодд придерживается мнения, что около 1530 года всё же стало распространяться новое понимание семьи, а К. Дейвис, подобно А. Макфарлейну [22; 23], утверждает, что кардинальных изменений не происходило. Изменения в семейных отношениях, высказывает своё мнение П. Коллинсон, не происходят резко, и отсюда, по его предположению, напрашивается также вывод, что протестантская Реформация в культурной истории Западной Европы представляла собой определенный континуум, а не совершенно новый этап. В эпоху Реформации активизировались размышления на темы, уже присутствовавшие в европейской культуре: о спасении, о вложении денег, возможно, также и на тему об общественной роли семьи, причём именно благодаря Реформации эти темы вышли на первый план и окончательно утвердились как важные для европейской культуры. В то же время исследователи рассматривают пуританизм как логическое продолжение протестантизма и результат полного внутреннего духовного усвоения тех выводов, которые из него следовали. Пуританизм имел признаки

настоящей, а не навязанной сверху Реформации в Англии [5, p. 92 – 93].

С началом Реформации проповедовались идеи о том, что все культурные проявления, народные песни должны быть религиозно окрашенными. Все учения и практики, искусство, не основывавшееся на Св. Писании, трактовались как ложь и ложная религия. Исследователи заявляли даже, что один из родоначальников английского протестантизма Уильям Тиндейл ненавидел литературу и больше всего, кроме католиков, ненавидел поэтов. В 1550-е годы в народе были распространены антикатолические песни, за которые в правление Марии Тюдор стали преследовать. П. Коллинсон советует обратить внимание на это историкам-ревизионистам, которые утверждают, что в народе медленно и неохотно воспринимали реформационные идеи. Распространилась практика, когда на мотив популярной песни светского содержания сочинялась и распространялась песня духовного содержания, чтобы вытеснить первую. Первое и второе поколение английских протестантов ещё не испытывали враждебности к светской культуре и зрелищам как таковым и возражали лишь против того, что с их помощью распространяются папизм и предрассудки. В 1530 – 1940-е годы английский протестантизм не чувствовал противоречий с культурой улицы и с деятельностью пивных и виноторговцев. О Библии спорили в пивных, и протестанты даже заявляли, что участники таких споров сильно не напиваются. При Марии Тюдор протестанты тайно собирались в разных гостиницах в Лондоне, и перед проповедью в них свободно подавали и потребляли напитки, и только в дальнейшем протестанты стали чуждаться питейных заведений, осуждая даже товарищеские компанейские выпивки. Со времени около 1580 года усилились нападки английских протестантов на светскую культуру, что особенно наглядно видно на примере театра. Началось также существенное (хотя и не ставшее полным) расхождение между светской и духовной музыкой.

Но впоследствии произошла интеграция английской культуры с этими протестантскими установками – английская культура изменилась вследствие воспринятых ею протестантских влияний. Под влиянием Реформации стал происходить переход от устной и визуально-образной культуры к культуре печатного слова, одним из выражений которого в религии стал выход на первый план проповеди вместо совершения таинств. К началу XVII века театральные постановки по стране начали прекращаться властями. Актерам даже платили за то, чтобы они ушли из города, а граждан города штрафовали, если они куда-нибудь ходили на театральные представления. Для пуритан было грехом развешивание гирлянд на майских шестах, даже охота с ястребом, травля оленя, игра в шахматы, ношение локонов. Практически единственными формами признававшегося пуританами достойного проведения досуга были занятия стрельбой из лука и упражнения, которые развивали военные умения [5, p. 95 – 97, 102 – 109; 2, p. 67].

По предположению П. Коллинсона, трудно отделаться от впечатления, что Кальвин с большим предубеждением относился к музыке, поскольку знал, что

музыка оказывает огромное влияние на человеческие души и сердца, что ещё сильнее проявилось у кальвинистов и пуритан. Нападки пуритан на театр внезапно начались в 1577 году. Театры, с одной стороны, составляли определённую конкуренцию проповеднической кафедре, и в некоторой степени были угрозой для общественного порядка, но мотивы пуритан в их выступлениях против театра, по словам П. Коллинсона, «выглядят инстинктивными, даже сублимированными». Основными аргументами для осуждения театра у пуритан были критика драматических постановок как лжи с особыми возражениями против трансвеститов в исполнении женских ролей мальчиками (в Ветхом Завете Второзаконие 22:5 бескомпромиссно осуждает трансвестизм); отвращение к непристойностям – к эротичности некоторых театральных сцен; обвинения в идолопоклонничестве тех, кто смотрел театральные зрелища. Пуритане особенно осуждали пьесы на религиозные темы. Постановка пьес на библейские темы стала незаконной после издания в 1605 году Акта о богохульстве. В 1637 году против театров опубликовал свое сочинение «*Histrion-mastix*» Уильям Принн, но до 1642 года пуритане не могли закрыть театры, что фактически способствовало секуляризации английского театрального искусства [5, p. 112].

Примерно с 1580 года протестанты в Англии с осуждением стали относиться также к изобразительным искусствам, подвергнув критике реалистические картины на религиозные сюжеты, а также баллады на религиозные темы. Издания Библии почти перестали сопровождать иллюстрациями, и стала даже хуже развиваться книжная иллюстрация в английской культуре. С 1600 года в течение нескольких десятилетий протестантская Англия вышла на стадию, которую П. Коллинсон называет «иконофобией», когда отвергались все изображения на основе прямого следования второй библейской заповеди. В начале XVI века в английской культуре существовала ситуация, когда человек из социальных низов в том случае, если оказывалось, что у него в собственности есть хотя бы одна книга (фактически любого содержания), попадал под подозрение в ереси лоллардизма. К 1600 году сложилось положение, когда владелец картины (тоже практически на любую тему) мог быть заподозрен в принадлежности к католицизму, и большинство лиц даже в высших классах английского общества не имели картин и скульптур, не стало даже детских книг с картинками. Символику распятия в общественных местах заменили королевские гербы [5, p. 117 – 118].

При Якове I и особенно Карле I, как отмечали историки, происходит некоторое возрождение изобразительного искусства под влиянием арменианства, а также реализации программы повышения значения литургии в службе, которую проводил архиепископ Лод, так что можно утверждать, что лодианство имело определённую эстетику [5, p. 119; 31]. Но кальвинизм всё же не убил образность в мышлении, даже если ставил это своей целью, и библейская образность достаточно широко распространилась в английском протестантском обществе, в том числе и у тех, кто оставался неграмотным, так что в протестантском обществе П. Коллинсон не находит культурного барьера между социальными верхами и низами. Протестант-

ская религиозность стала в конце XVI века утверждаться и в армии, где проповеди и пение псалмов были введены ещё до Английской революции середины XVII века [5, p. 121, 130, 148].

Пуритане стремились все важнейшие социальные связи устанавливать в кругу тех, кого считали достойными. Шедший в Англии религиозно-культурный конфликт, как считает П. Коллинсон, даже с большим основанием можно называть религиозной войной, чем религиозные войны на континенте, так как на континенте в религиозные войны вплеталось много мотивов, а неприятие англичанами друг друга происходило именно по религиозным мотивам, когда раскалывались приходы, и люди не общались друг с другом по религиозным причинам. В то же время пуритане сохраняли определенный компромисс с теми, кого называли «пленёнными плотью» и «безбожными» [5, p. 149].

Достижение пуританами своих целей было затруднено тем, что разделявшие их идеи лица лишь в некоторых районах Англии имели власть только на местном уровне. Даже когда пуритане после окончания военных действий в гражданской войне явно получили власть в стране, они не нашли эффективного средства, чтобы навязать свою волю и манеры поведения всему населению страны, поскольку исчезли общая церковная дисциплина и церковные суды. Некоторые общины, в которых преобладали пуритане, в таких условиях приняли решение ограничить допуск к причастию, поскольку достойные причастия составляли меньшинство во всех общинах. После реставрации Стюартов в 1660 году такие группы избранных часто были вынуждены уйти в более или менее отчужденный конформизм. Дальнейшее развитие английского протестантизма принесло такое плюралистическое разнообразие, которого английские протестанты не хотели и не ожидали. Его продуктами стали установленная церковь, конформизм диссентеров и английский католицизм [5, p. 154; 20].

По мнению Дж. Горинга, можно утверждать, что на рубеже XVI – XVII вв. начинается разрыв между народными праздниками и жизнью приходской церкви. Иногда народные праздники исчезали по чисто экономическим причинам – по мере роста цен дорожали еда и напитки, и расходы на их проведение не окупались. Но в XVII веке всё же народные праздники отмирали не только по экономическим причинам, поскольку многим англичанам они теперь определённо не нравились. С 1580-х годов против распространённых в народе форм проведения досуга начало кампанию духовенство, осуждая, например, игру в футбол, поскольку она нередко оборачивалась «дракой в дружеской форме» [28, p. 184]. Некоторые историки утверждали, что, в то время как спорт оставался популярным среди представителей социальных низов, более состоятельные люди, имевшие деловые интересы и собственность, которая могла пострадать от буйных форм народного отдыха, относились к этой форме проведения времени без энтузиазма и были озабочены, прежде всего, поддержанием общественного порядка [3, p. 155 – 157, 175 – 177]. Исследователи в то же время обращают внимание на то, что отношение более состоятельных социальных групп к народной

культуре всё же не было однозначно осуждающим: например, в Лидсе против запрещения праздников выступали наиболее состоятельные ремесленники и торговцы в городе, в городе Стратфорде за сохранение праздников высказывались местные джентльмены, йомены, состоятельные ремесленники [10, p. 841 – 842]. Дж. Горинг придерживается мнения, что не следует, как К. Хилл, считать, что низшие классы рассматривали возможность потанцевать у майского шеста как символ своей независимости от социальных верхов [14, p. 184]. П. Коллинсон пишет, что рассмотрение подавления народных форм проведения досуга как проявления классовой борьбы означает признание появления ещё в начальный период раннего нового времени пока не существовавшей реально острой степени поляризации в английской культуре, поскольку «невозможно утверждать, что выпивка в это время доставляла удовольствие только представителям социальных низов, или только дети бедняков любили предаваться шумным играм по воскресеньям» [6, p. 182; 4, p. 207 – 221].

Первым случаем сноса пуритански настроенными лицами майского шеста, как считает Дж. Горинг, было происшествие 14 мая 1572 года в Уорблтоуне, приходе в вересковых полях Суссекса. Вообще же первый известный случай сноса майского шеста протестантами произошел в Лондоне в 1549 году после проповеди против идолопоклонства, произнесенной у собора Св. Павла. При этом трудности для пуритан представлял текст из Книги Экклезиаста, в котором говорилось, что есть время для скорби и есть время для танца – текст Св. Писания не санкционировал абсолютное подавление развлечений. Фактически среди духовенства в Англии было немало тех, кто защищал танцы [11, p. 24; 12, p. 345 – 366].

Специалисты по исторической демографии утверждают, что подавление майских шестов не было действенным способом уменьшения количества рождавшихся внебрачных детей, но в XVI – XVII вв. люди обычно думали, что танцы вокруг майского шеста способствуют внебрачным связям [21, p. 259]. Те, кто участвовал в народных празднествах, по мнению пуритан, нарушали четвертую и седьмую заповеди (обязательное посещение церкви по воскресеньям и запрет внебрачных связей), а то и сразу все Десять заповедей. У современников также появилось ощущение, что те, кто уделяет время участию в таких праздниках, тратит время впустую, изнуряет силы, а на те средства, которые идут на театральные представления, лучше накормить нищих. Стали даже жалеть брать хорошие деревья для использования их в качестве майских шестов, чтобы уберечь лес. Оправданием к существованию народных развлечений было то, что они поддерживали дух товарищества и добрые отношения между жителями одного поселения. К 1630-м годам лозунг о необходимости сохранения добрососедства стал способом сплочения защитников народных традиций от давления со стороны пуритан [11, p. 13 – 16].

Опираясь на материалы церковных визитаций, историки установили, что среди церковных должностных лиц тоже были противники наиболее буйных проявлений народной культуры. Первым начал кам-

панию против народных развлечений с 1571 года архиепископ Гриндел в Йоркской церковной провинции, а в 1580-х годах его примеру последовали епископы Честера, Чичестера, Ковентри и Личфилда, Геррефорда и Линкольна [16, р. 271; 17, р. 110; 18, р. 166, 194, 220, 228]. Современники также связывали распространение народных празднеств в разных районах Англии с влиянием католицизма в этих районах и считали, что католики поощряют эти празднества. Но

некоторые из числа католиков, испытывавших влияние посттридентского католицизма, были так же враждебно настроены по отношению к народным традициям, как и самые ярые протестанты [11, р. 19]. После начала Реформации под влиянием полемики с протестантами изменился в идейном отношении также и католицизм, что проявилось как на европейском континенте, так и в Англии.

Литература

1. Anderson, M. *Approaches to the History of the Western Family 1500 – 1914* / M. Anderson. – London, 1980.
2. Bone, G. D. *Tyndale and the English Language* / G. D. Bone // Greenslade, S. L. *The Work of William Tyndale*. – London, 1938.
3. Clark, P. *English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500 – 1640* / P. Clark. – Hassocks, 1977.
4. Collinson, P. *The Beginnings of English Sabbatarianism* / P. Collinson // C. W. Dugmore and C. Duggan (Eds.). *Studies in Church History*. – London, 1964. – Vol. I.
5. Collinson, P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* / P. Collinson. – New York, 1988.
6. Collinson, P. *Cranbrook and the Fletchers* / P. Collinson // Brooks, P. N. (Ed.). *Reformation Principle and Practice*. – London, 1980.
7. Collinson, P. *The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559 – 1625* / P. Collinson. – New York, 1982.
8. Davies, K. M. *Continuity and Change in Literary Advice on Marriage* / K. M. Davies // Outhwaite, R. B. (Ed.). *Marriage and Society: Studies in the Social History of Marriage*. – London, 1981.
9. Flinn, M. W. *The European Demographic System 1500 – 1820* / M. W. Flinn. – Brighton, 1981.
10. Fripp, E. I. *Shakespeare, Man and Artist* / E. I. Fripp. – Oxford, 1938.
11. Goring, J. *Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England* / J. Goring. – London, 1983.
12. Goring, J. *The Reformation of the Ministry in Elizabethan Sussex* / J. Goring // JEH. – 1983. – Vol. XXXIV.
13. Hanawalt, B. H. *The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England* / B. H. Hanawalt. – New York, 1986.
14. Hill, C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England* / C. Hill. – London, 1964.
15. Houlbrooke, R. A. *The English Family 1450 – 1700* / R. A. Houlbrooke. – London, 1984.
16. Kennedy, W. P. M. *Elizabethan Episcopal Administration. Alcuin Club Collections* / W. P. M. Kennedy. – Vol. XXV – XXVII. – London, 1924. – Vol. II.
17. Kennedy, W. P. M. *Elizabethan Episcopal Administration. Alcuin Club Collections* / W. P. M. Kennedy. – Vol. XXV – XXVII. – London, 1924. – Vol. III.
18. Kennedy, W. P. M. (Ed.). *Visitation Articles and Injunctions. Alcuin Club Collections* / W. P. M. Kennedy. – Vol. XVI. – London, 1910. – Vol. III.
19. Knox, R. *Enthusiasm: A Chapter in the History of Religion* / R. Knox. – Oxford, 1950.
20. Lamont, W. *Richard Baxter and the Millennium: Protestant Imperialism and the English Revolution* / W. Lamont. – London, 1979.
21. Laslett, P. *Oosterveen, K. Long-Term Trends in Bastardy in England* / P. Laslett, K. Oosterveen // *Population Studies*. – 1973. – Vol. XXVII.
22. Macfarlane, A. *The Family Life of Ralph Josselin, A Seventeenth-Century Clergyman. An Essay in Historical Anthropology* / A. Macfarlane. – Cambridge, 1970.
23. Macfarlane, A. *Marriage and Love in England: Modes of Reproduction, 1300 – 1840* / A. Macfarlane. – Oxford, 1986.
24. Seaver, P. S. *Wallington's World: A Puritan Artisan in Seventeenth Century London* / P. S. Seaver. – Stanford, 1985.
25. Sloane, W. *Children's Books in England and America in the Seventeenth Century* / W. Sloane. – New York, 1955.
26. Sommerville, J. *English Puritans and Children: A Social-Cultural Explanation* / J. Sommerville // *Journal of Psycho-History*. – 1978 – 1979. – Vol. VI.
27. Stone, L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500 – 1800* / L. Stone. – London, 1977.
28. Stubbes, P. *Anatomy of Abuses* / Ed. F. J. Furnivall / P. Stubbes. – London, 1877 – 1879.
29. Todd, M. *Christian Humanism and the Puritan Social Order* / M. Todd. – Cambridge University Press, 1987.
30. Todd, M. *Humanists, Puritans and the Spiritualized Household* / M. Todd // *Church History*. – 1980. – Vol. XLIX.
31. Tyacke, N. *Anti-Calvinists: the Rise of English Arminianism c. 1590 – 1640* / N. Tyacke. – Oxford, 1987.

Информация об авторе:

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартовского государственного гуманитарного университета, erohin_vladimir@inbox.ru.

Vladimir N. Yerokhin – Doctor of History, Professor at the Department of Documentation Studies and Universal History, Nizhnevartovsk State University for Humanities.